

Пётр на Переславском озере

Плещут пенистые волны Плещеева озера, тоскуя по могучем пловце; в былые годы бороздили их в стародавнюю пору мера белоглазая, во время своей междуусобицы; запропали и они с лица Русской земли, уступя его удалой Руси, перенявшей у первонаселенников славу володать их кровом, землёю и покорной волной Плещеева озера. Изведала Русь богатство его, заселила рыбачью слободу и пошла в ней слава про переславских сельдей — ставших давно уже лакомым блюдом Русского люда. Скользил в ту пору по озеру только утлый рыбачий чёлн, да нередко в годину тяжких бедствий колебался плот спасавшихся переславцев от хищного татарского погрома. Но Плещееву настало и своё красное время: почуял про его ширь-гладь вскручивившийся Царь-Богатырь, не насытившийся своей водяной потехой по мутной, мелководной Яузе; слышал Пётр при своём государевом дворе весть про озеро у Переславы — куда искони шёл богомольный путь его державных предков. Сказано — сделано. Пётр — как он откровенно повествует в собственноручной *памяти* — прямо от Троицы, куда выпросился у матери поклониться в Сергиев день, чудотворцу, мчится осуществить свою юношескую мечту на Плещеевом. Увидал он озеро, полюбился ему его простор и запала глубоко на душу охота горячая строить суда парусные — дотоле невиданные. Закипела работа, загремел топор, завизжала пила и на Плещеевом, как бы по чудному мановению, неслась уже целая флотилия не прежних душегубок лодок, а немецких ботов да яхт, покорявших буйный ветер да размашистые волны. Стала на Переславском озере — корабельная верфь, как бы царственный страж, облюбовавшего его Петра. Сокрушается Царица-мать об такой опасной забаве сына, спешит затушить в нём эту овладевшую им страсть и родительским умоляющим зовом, и притворным недугом — наконец, торопливой его женитьбой. — Петру не до этого — у него на уме только нынче спуск и завтра гонка любезной флотилии. Вечереет очаровательный по живописности местоположения берег озера, освещён огненной потехой; на безмятежной зеркальной зыби, при чудном майском закате солнца, несётся вновь построенный бот с своим державным кормчим, с вереницей яхт, с громом ружейной пальбы и треском блестящего фейерверка, с удалой ватагой иноземцев-голландцев «кумпанией» поклонников Бахуса с предавшимся им открытой душой Царём во главе. Делаются эволюции, маневрирует зарождающийся флот и Пётр веселится на славу, забывая мать и жену, всецело отдаётся великой своей идее — заведению на Руси силы, дотоле неведомой, силы морской.

И досужливый старец Каштрэн-Брант с мастером Кортотом стали закладывать суда, и в 1689 году их было выстроено три яхты да фрегат, в своей недостройке озабочивавший Петра, радостно смотревшего на спешную работу и восторженно ликовавшего в ожидании спуска своего большого корабля. Устье Трубежа, катящего свои безмятежные воды в Плещеево озеро, у Сорокосвятской и Введенской церкви — и было местом корабельной верфи, откуда сельское затишье оглашалось стуком молота и ударом царского топора. Но вдруг смуты Софии отрывают Петра: невольно покидает он свою великую потеху, над которой, по собственному его выражению, работал «яко Ной над ковчегом». Усмирив крамолы стрельцов, Пётр является через два только года опять на Плещеевом. Там на южном берегу его, за селом Веськовым, выстроен был для приезда Царя деревянный одноярусный дворец с окнами из слюды, расписной отделки разными узорами вычурной старины, с дверями, обитыми белым войлоком, с двуглавым орлом на кровле. Вправо от дворца высылся деревянный храм Вознесения, влево по мысу Гремяч — воздвигнута была батарея. Прямо перед окнами дворца, на озере, в значительном расстоянии от берега — сажен на сто, устроена была на сваях пристань. Летом суда стояли у пристани, на зиму отводили их в Трубеж-реку к мосту, близ церкви Знаменья Пресвятыя Богородицы

*Стромилов, Н. С. Пётр на Переславском озере / Н. С. Стромилов // Вестник Московской политехнической выставки. — 1872. — № 35 (4 июня). — С. 3—4.

«что при кораблях». Строители голландцы, с Каштреном Брантом в главе, жили отдельною слободою в Переславле. До сих пор указывают гору, лежащую между Горицким и селом Веськовым, называемую Немскою — прозванную так от иноземцев, обозванных нашими, чуждыми в ещё то время сближения с иностранцами, предками, общим кличем — немцы; уцелевшие следы зданий подтверждают заветное предание, преемственно хранимое всяким переславцем.

Предание указывает и на принадлежности Государева двора, доселе известного на местном наречии не иначе, как под именем царского дворца. Тут была — кузница, там — амбары и погреба, здесь Петров колодезь, выкопанный будто бы им, далее против дворца сад, от которого уцелели две берёзы для потомства, — только *две берёзы*, посаженные самим Петром; а торчащие против дворца несколько свай в озере знаменуют пристань, где стояли корабли.

Натешившись вдоволь на суше, в своих первом и втором семёновских походах, Пётр обратился к любимой своей стихии — к воде. В конце 1691 года и в продолжении зимы не скучал он в Переславле, взглянув на озеро, подёрнутое льдом, и суда, прикованные им к берегу. Юный Питер-бас имел уже от князя-кесаря Ромодановского его «государев указ» построить в Переславле военный корабль к весне 1692 года с 16 учениками, сотрудниками его по Язуе «корабельного дела мостильщиками» и с сержантом Елисеём Ворониным, искусником в щёгольском мастерстве. Пётр собственноручно заложил на Переславской верфи корабль. Трудясь неутолимо и предавшись всей душою, по впечатлительной своей натуре, овладевшей им страсти к водяному делу, Пётр забывал даже, что он представитель, царь. Он видел в ту пору в себе труженика, работника, искусного корабельного плотника, жаждавшего отличиться перед вновь пожалованным адмиралом князем-кесарем, прибывшим к Плещееву озеру на торжество, доселе невиданное и неслыханное на Руси, но впоследствии повторявшееся, как день радости и славы. Ожидался *спуск* корабля и манёвры флотилии. 1-го мая 1692 года, в шестое по Пасхе воскресенье, первенец-корабль, сооружённый мудростию и трудом самого Петра, могучим захватом рассекал пенистую волну Плещеева озера. Царицы мать и жена утешили Петра своим приездом в конце июля 1692 года и целый месяц провели в Переславле. В первый Спас (1 августа) с торжественным молебствием на Иордане, с крестным ходом в лодках, потянулась обширная процессия по озеру. Ликовал Пётр на затейных манёврах, душа его жаждала ещё шире простору; настоящий кругозор его казался ему тесен. Задумался Пётр и на адмиральском корабле, пируя на заздравном обеде 14 августа, не туманил его голову и щедрый Бахус; мысли роились у него в голове, а на ту беду ещё и не попутный ветер, да круглота озера смущали Петра, «казалось ему мало охоту тут исполнять». Мерцающая даль Белого моря, единственного побережья московского государства, манила пылкое воображение Петра. Захотелось ему послушать гулливое море с необозримою прелестью смелого очертания, с бушующими перекатами волн и реющими по нём, как чайки, побережниками в своих незатейливых карбасах.

Царица Наталья Кирилловна сочувствовала сыну в его опасной забаве, хотя и трепетала за него. Но в утеху ему провела и свои именины в Переславле и в сентябре возвратилась в Москву, захворав немного; а Пётр, вероятно, от чрезмерных трудов и обеденных заздравий, заболел и очень.

На следующий 1693 г. великий пост застаёт Петра в Переславле. Он плавал по озеру недели три, и это плавание была последняя потеха Петра. Мысль о море, ещё более вскружившая Петру голову, окончательно заставила перенести его виды и цели на волны океана, на Беломорье.

Какая участь постигла переславскую флотилию? История свидетельствует, что построенный там мастером Классом корабль, весною 1698 года, переведён через Вёксу, Сумино и Нерль в Волгу. Из остатков уцелел только ботик, построенный самим Петром, достойный преемник славы, дедушка Русского флота.

В 1802 году в первый раз было обращено деятельное внимание на сохранение остатков бывшей в Переславле флотилии Петра. В этом году был назначен во Владимир губернатором просвещённый вельможа-поэт, князь Иван Михайлович Долгорукий. Обозревая вверенную ему губернию, он не мог не обратить своего просвещённого внимания на драгоценные остатки, лежавшие без всякого присмотра на берегу Переславского озера в деревянном сарае. Переславское дворянство, по его предложению, тотчас же приступило к сооружению приличного здания для сохранения этих остатков. Ревностным участником был славный потомок знаменитого предка, петровского адмирала, переславский помещик, генерал от кавалерии С. С. Апраксин. Покойный государь император Александр I почтил рескриптом просвещённого губернатора, воспевшего прелестными, по времени, стихами, в торжественной оде, 1 мая 1803 года, в день открытия воздвигнутого каменного здания и перенесения в него ботика. Не отстал в поэтиче-

ских восторгах и ближний сосед-помещик, поэт екатерининских времён, граф Д. И. Хвостов, в пышной, медоточивой оде запечатлев свой патриотический экстаз.¹ Содержались при здании и инвалиды для охранения его, при содействии г. Апраксина и участия дворянства Переславского уезда, которое на собственные средства делало уже нужные исправления, несмотря на то, что дача, в которой помещалась эта историческая местность, с. Веськово, составляло частную собственность, будучи до 1762 г. в ведении дворцовой конторы, а после сего Екатериной II в декабре того года 7 дня пожалованное, вместе с Рыбной слободой, лейб-гвардии конного полка ротмистру Бутакову, из коих Рыбная слобода в 1773 г. вновь продана в дворцовое ведомство, а село Веськово по прекращении рода Бутаковых перешло по наследству к Нечаевым. Спор их с Нелидовыми в 1828 решён правительствующим сенатом в пользу Нелидовых, у которых с аукционного торга в 1840 г. апреля 4 дня и куплено это имение г. Емельяновым за 90 000 рублей ассигнациями. В 1846 г. Владимирским дворянством, не желавшим, чтобы место, ознаменованное рождением Русского флота, находилось в частных руках, — оно куплено на пожертвованный особый сбор с его дворянских имений.

Не ограничиваясь этим, Владимирское дворянство почтило память Великого Творца Русского флота воздвижением памятника, закладка которого в августе 1850 г. была положена Великими Князьями Николаем Николаевичем старшим и Михаилом Николаевичем — во время проезда их через Переславль при обозрении остатков флотилии, а торжественное открытие памятника последовало 17 августа 1852 года. В честь этого дворянство выбило серебряные и золотые медали с изображением Петра и памятника ему и издало рисунки, как вид памятника, так и церемониал его открытия, с подробной брошюрой о совершившихся событиях. В 1858 году почтил обозрением ботик и останков флотилии Петра I ныне благополучно-царствующий Император Александр Николаевич.

Остатки Переславской флотилии размещены в морском отделе Политехнической Выставки; ботик за ветхостью некоторых из громоздких принадлежностей — остался на месте в с. Веськове, у Переславля-Залесского, отстоящего в 15 верстах от Берендеевской станции Московско-Ярославской железной дороги, где имеются для желающих посетить удобные экипажи за умеренную плату.

¹Под влиянием того же отрадного чувства дворянин Владимирской губернии Д. А. Бекетов пожертвовал большой бюст Петра Великого, вылитый из чугуна на заводе Баташевых, с барельефом, изображающим критический момент Петра I при Пруте.